

Anastasia I. Nazarova,
PhD, docent,
Smolensk State University

The impact of the Russian Empire state policy on the activities of the religious educational institutions in the XVIII – XIX centuries [*Anastasia I. Nazarova*]

Key words: *religious education; religious reform; seminaries; academies; district schools; congregation schools; the Russian Orthodox Church.*

Annotation: *Development of church-state relations in the sphere of spiritual education and training, since the times of Peter, when the Orthodox Church has lost an independent position. Further reform of religious education during the reign of Alexander I and Nicholas I, was an attempt to apply the principles of reform secular school in the School of Spiritual under Alexander II. Overcoming survivals and rigid theological school is closed during church reform undertaken in the early 20th century.*

Характерной чертой, присущей российскому обществу начала нового тысячелетия в нашей стране, является существенная трансформация общественной системы ценностей, напряженный поиск новых ценностных ориентаций, что естественно влечет за собой кардинальный пересмотр подходов к практике воспитательной работы в учебных заведениях всех уровней.

Безусловно, необходимым условием развития педагогической науки является преемственная связь современности с исторической составляющей. Поэтому детальное изучение, творческое переосмысление и внедрение в практику работы отечественного педагогического опыта представляет собой один из ключевых моментов развития современной педагогической науки.

Русская православная церковь являлась с конца IX духовным центром Российского государства, ядром формирования национального самосознания, очагом просвещения и культуры. И при этом, совершенно особенное самобытное явление представляла собой русская система духовного образования.

Развиваясь на протяжении столетий, она, с одной стороны, сохраняла неизменными важнейшие традиции и черты, с другой – претерпевала существенные изменения в ответ на запросы государства и общества. Именно сложившиеся в духовных учебных заведениях традиции нравственного воспитания личности легли впоследствии в основу всей воспитательной системы русской светской школы.

В связи с этим, огромный интерес, на наш взгляд, представляет динамика церковно-государственных отношений в сфере духовного образования и воспитания, характер влияния государственной идеологии на развитие духовной школы в различные исторические эпохи

Прежде всего, нужно отметить, что до начала XVIII в. Церковь занимала самостоятельное положение в государстве, представляя собой автономное образование и подчиняясь только патриарху, что позволяло ее деятелям в сложные исторические

моменты брать на себя роль независимых духовных лидеров и влиять на умонастроения соотечественников, порой без оглядки на официальную власть.

Ситуация коренным образом изменилась после церковной реформы, предпринятой Петром I. В силу того, что новаторские, идущие в разрез с национальными традициями начинания молодого царя не получили патриаршей поддержки, Петр I предпринял радикальные меры по устранению обособленного положения Церкви, включив ее в состав государственного аппарата Российской империи, упразднив пост патриарха и поставив во главе коллегиальный орган - Святейший Правительствующий Синод.

В рамках Синода имело место взаимопроникновение государства и церкви, что проявлялось в его составе, включавшем представителей как духовной, так и светской бюрократии, а так же в формах его деятельности. Юридически церковная реформа была оформлена «Духовным регламентом», утвержденным 25 января 1721 года [2]. В 1722 г. была учреждена должность обер-прокурора, – светского чиновника из военных или гражданских лиц, осуществлявшего государственный надзор за деятельностью Синода.

В результате предпринятых правительством шагов, Русская православная церковь утратила независимое положение более чем на два века. Синоду не удалось завоевать авторитет патриаршей власти, и созданная система государственной церковности привела постепенно к утрате многих традиционных методов воздействия церкви на общество.

Попытки реформировать духовное образование, направленные на преодоление его многолетней включенности в консервативные рамки традиций и заметного отставания в динамике развития по сравнению со светской школой, впервые были предприняты в период правления Александра I.

В 1807 году по указу императора был создан Комитет по усовершенствованию духовных училищ, который в июне 1808 года представил разработанное им «Начертание правил об образовании духовных училищ». Начертание было утверждено. Им устанавливалось четыре типа школ: академии, семинарии, уездные училища и приходские школы.

Каждая академия стояла во главе духовно-учебного округа, к которому приписывалось определенное число епархий. На 1808 год в стране существовало 36 епархий. Каждой из них «Начертанием» было предписано иметь одну семинарию, 10 уездных училищ и до 30 приходских школ. В функции академии входило осуществление надзора за деятельностью семинарий своего округа. Преподавательский состав семинарий пополнялся исключительно за счет тех академий, к чьим округам они относились. Продолжить обучение по окончании семинарии воспитанники тоже могли только в «своей» академии.

Для каждого из типов школ очерчивался вполне определенный круг образовательных функций. Академии предназначались для того, чтобы выпускать священников, ученых монахов и учителей для семинарий. Назначение семинарий состояло в подготовке учащихся к поступлению в академии, к службе в приходах или, если потребует правительство, к учебе в Медицинской академии. Уездные училища предвзяли собой семинарии и должны были давать детям из семей духовенства возможность получить образование с минимальными издержками. На церковно-

приходские школы возлагалась миссия принести в деревню единообразное, методически правильное преподавание, с тем, чтобы сельское юношество находилось под всеобщим, основанным на твердых правилах, надзором.

Реформирование духовных учебных заведений продолжалось с 1808 по 1814 год. О том, каким тогда виделось правительству страны содержание духовного образования, его цели и значение, можно судить, в частности, по указу от 30 августа 1814 года. В нем говорится: «Просвещение по своему значению есть распространение света, и, конечно, должно быть того, который во тьме светится и тьма его не объят. Сего-то света держась во всех случаях, вести учащихся к истинным источникам и теми способами, коими Евангелие очень просто, но премудро учит; там сказано, что Христос есть путь, истина и живот; следовательно, внутреннее образование юношей к деятельному христианству да будет единственной целию сих училищ»[3;423].

Взгляды на религию и духовное просвещение, легшие в основу реформ 1808–1814 годов, были непосредственно связаны с увлечением мистицизмом, распространившимся в тот период при императорском дворе и среди образованной части русского общества. В частности, их разделяли авторы уставов М.М. Сперанский и Феофилакт Русанов, а также первый ректор пореформенной Петербургской Академии (впоследствии Московский митрополит) Филарет Дроздов. Однако с течением времени склонность императора к мистицизму, также как мистические настроения в обществе, начали ослабевать. И, как следствие, наиболее прогрессивные реформы оказались постепенно свернуты.

Еще более эта тенденция усилилась после восшествия на престол Николая I, поскольку его взгляды на содержание образования определялись практическими соображениями государственной пользы. И в построение системы образования император стремился внести порядок, жесткую дисциплину и единообразие. Целью духовного образования в этот период стало сообщение учащимся знаний, достаточных для исполнения впоследствии своего служебного долга. В соответствии с этим перед духовной школой была поставлена задача формировать в будущих священниках единообразное понимание учения Церкви и канонических правил. Уже во время коронации император объявил присутствовавшим иерархам, что ожидает от них написания учебника Закона Божия, по которому можно обучать в равной мере во всех школах, а также катехизиса, содержащего ясное и точное изложение учения Церкви по всем вопросам веры и нравственности.

Такие шаги со стороны Николая I свидетельствуют о неприятии им реформ своего предшественника. На протяжении многих лет он предпринимал медленные, постепенные шаги в сторону последовательного, планомерного уничтожения их результатов.

Граф Протасов, третий обер-прокурор в царствование Николая I, в полной мере разделял устремления своего государя. Протасов усматривал оплот духа alexandrovских реформ в Комиссии духовных училищ. И потому испросил согласия императора на реформирование духовных школ путем исправления их уставов или даже замены их новыми без участия Комиссии. 1 марта 1839 года был опубликован Устав Духовного учебного управления Святейшего Синода, в котором указывалось, что ввиду необходимости наличия тесной связи между управлением Православной Церковью и воспитанием юношества, предназначенного ей на служение, признано

благом сосредоточить в Святейшем Синоде, как в едином и главном духовном правительстве империи, высшее заведование духовно-учебной частью, которое ранее находилось в ведении Комиссии духовных училищ. Надзор за исполнением всех существующих в этой области законов вверялся обер-прокурору Святейшего Синода. Впоследствии надзор этот превратился практически в безграничное господство обер-прокурора над всей системой духовного образования в стране, длившееся вплоть до конца синодального периода. Незначительное его ослабление имело место лишь в 1867–1884 годы.

В первые годы царствования Александра II совершился подлинный переворот в общественном сознании, были заметно смягчены цензурные предписания и полицейский надзор, тяготевший при Николае I над всеми сословиями. Ряд перемещений, происшедших в высших эшелонах власти, не обошел стороной и церковное ведомство. В 1856 году во время коронационных торжеств по совету митрополита Филарета обер-прокурором Святейшего синода был назначен граф А.П.Толстой. По отзывам Н.П.Гилярова-Платонова, А.П. Толстой был человеком «оптинского православия», не расположенным как к ученому богословию, так и к духовенству, стремившемуся к светскости и удобствам жизни. «Ему скорее хотелось бы (разумеется, бессознательно), – подчеркивал Н.П. Гиляров, – вернуть церковь к тому состоянию, в каком она была при наших блаженных патриархах или даже митрополитах» [1;32]. В 1866 году граф Д.А. Толстой объединил в своем лице министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода и стал пытаться принципы реформы светской школы применить к области школы духовной. Реформирование духовных училищ и семинарий началось в 1867году и продолжалось до 1871 года.

Сначала реформированию подверглись духовные училища. Устав 1867 года позволил каждой епархии открывать такое количество духовных училищ, которое соответствовало ее реальным потребностям. При этом каждая епархия делилась на округа соответственно количеству имеющихся в ней училищ. Раз или два в год проводились окружные съезды, на которые делегировался один представитель духовенства от десяти приходов каждого округа. Обсуждались всевозможные вопросы, касавшиеся училищ, в том числе хозяйственной стороны их существования. Такое включение духовенства в общественно-церковную жизнь вызвало в тот момент большое воодушевление. Так, к примеру, училища стали получать дополнительные средства, благодаря самообложению приходов и добровольным пожертвованиям отдельных представителей духовенства.

После духовных училищ реформированию подверглись семинарии. Вступил в силу новый устав, для составления которого привлекались материалы об организации римско-католических семинарий во Франции и православной богословской школы на острове Халки, близ Константинополя. Главной задачей семинарий, согласно этому уставу, являлось «приготовление юношества к служению православной Церкви» [3;456].

Обучение в семинарии было сделано, по возможности, доступным для юношей всех сословий. Сыновья духовенства при поступлении пользовались преимуществом, но остававшиеся места были в равной мере доступны для любых представителей православного вероисповедания, достигших четырнадцатилетнего возраста. Успешная

сдача выпускного семинарского экзамена давала право на получение места священника, лучшие учащиеся могли продолжить обучение в академии или университете.

Воспитание учащихся семинарий, согласно уставу, должно было осуществляться в духе православной Церкви. Воспитанникам вменялось в обязанность посещать богослужения, причащаться, соблюдать предписанные Церковью посты. Из программы к тому времени были исключены сельское хозяйство, катехизис, медицина, библейская история, апологетика и патрология, зато было расширено преподавание литургики, гомиластики, Священного Писания и древних языков. На увеличении объема преподавания этих предметов настаивал обер-прокурор граф Д.А. Толстой. В 1868 году в докладе императору он отметил, что уделяется внимание обновлению классического образования – одной из наиболее существенных основ человеческой культуры, пришедшей в полный упадок в духовных учебных заведениях.

В 1859 году произошло еще одно значимое событие. Митрополит Киевский Исидор выступил с предложением создать в своей епархии церковно-приходские школы, и был поддержан Синодом. В 1859–1960 годы в Киевской епархии действовало 885 школ. Движение распространилось на другие епархии. Немецкая исследовательница Ю.Освальд отмечает: «В достоверности этих цифр можно сомневаться, но тот факт, что между Министерством народного просвещения и Синодом разгорелся спор, какому ведомству эти школы должны принадлежать, служит доказательством значимости этого движения» [1;223]. Синод всеми силами пытался отстоять не пронизанную западноевропейской традицией церковно-православную школу в качестве общей модели начального народного образования.

Полемика по поводу заведования народным образованием между Министерством народного просвещения и Святейшим Синодом продолжалась в течение нескольких лет. Летом 1861 года министр народного просвещения Е.П. Ковалевский внес в Комитет министров (высший законосовещательный орган России, существовавший с 1802 года) предложение о подчинении начальных школ всех ведомств Министерству народного просвещения. Комитет министров принял решение о создании Особого комитета для начертания общего плана устройства элементарных школ и училищ разных ведомств. В ноябре того же года Синод заявил протест против проекта Особого комитета о передаче нескольких тысяч школ, открытых духовенством, в ведение Министерства народного просвещения. Тогдашний министр народного просвещения Е.В. Путьгин во всеподданнейшей записке Александру II протест поддержал. И одновременно вместе с обер-прокурором Святейшего Синода А.П. Толстым составил в противовес свое представление в Государственный совет с предложением передать все народные школы в ведение Синода. В декабре после прокатившихся по стране студенческих волнений Е.В. Путьгин подал в отставку. На посту министра его сменил А.В. Головин, считавший духовенство совершенно неспособным к преподаванию в народных школах. Он отозвал представление из совета и вернулся к предложению Е.П. Ковалевского.

Решение, принятое в результате императором по данному вопросу, носило половинчатый характер. Высочайшее повеление от 18 января 1862 года сохраняло руководство народными школами за теми ведомствами, которыми они были открыты. Церковно-приходские школы оставались в ведении Синода, там же, где школ еще не

было, открытие их поручалось Министерству народного просвещения. Таким образом, в появившемся документе полномочия Синода и Министерства народного просвещения в отношении начальной школы не были конкретизированы, оставляя поле для постоянного соперничества. Как результат, возвращение к вопросу о руководстве начальными народными школами происходило на протяжении всей второй половины XIX века.

В 1880 году пост обер-прокурора Святейшего Синода занял К.П. Победоносцев, деятельность которого оказала существенное влияние на формирование всего правительственного курса Александра III.

Церковная политика К.П. Победоносцева отражала его философские и политические взгляды. Он отрицал возможность существования безверного государства, отстаивал идею единства государства и церкви, и считал восприятие верховной власти, как религиозно санкционированного служения, основой прочной связи между властью и народом. «Я смотрю на Россию, как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте... – говорил он. – Фундамент этот: православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания; но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым» [1;39].

В 1893 году возникли беспорядки в семинариях нескольких епархий страны: Московской, Смоленской, Могилевской и Черниговской. В дальнейшем выступления и забастовки воспитанников семинарий неоднократно повторялись. Учащиеся добивались расширения доступа к культурной жизни страны, к изучению светских дисциплин и к возможности выбора светских профессий. Становилось очевидным, что сложившаяся в течение нескольких столетий воспитательная система семинарий, во многом сохранившая черты бурсы, не вполне справляется со стоящими перед ней в настоящий момент педагогической задачей подготовки молодежи, охваченной противоречивыми веяниями века, к предстоящему священническому служению. При этом нужно заметить, что отставание имело место не только в воспитательной работе, но и в учебных программах и во всей системе преподавания. Однако никаких серьезных шагов, направленных на решение указанных проблем, Святейшим Синодом до 1906 года не предпринималось.

К 1906 году приемная экзаменационная комиссия Московской Академии отметила у поступавших выпускников семинарий низкий уровень знаний в области церковно-исторической и прочей духовной литературы. По выводу комиссии, полученное юношами в семинариях образование заключалось в заучивании содержания учебников. Письменные работы демонстрировали незнание Священного Писания, плохую орфографию и шаблонное мышление. Неудовлетворительным было признано знание древних языков. Несомненно, сильное негативное влияние на учебный процесс оказали революционные события 1905–1906 годов.

В результате, в 1906 году были, наконец, начаты предварительные работы по подготовке общей церковной реформы. В декабре в Москве собрался Всероссийский конгресс семинарий, на котором выяснилось, что во многих семинариях уже давно существуют кружки и политические организации. Такая же картина наблюдалась в духовных академиях.

В декабре 1909 года, с согласия обер-прокурора С.М.Лукьянова, Святейший Синод поручил Учебному комитету подвергнуть переработке уставы академий, семинарий и духовных училищ. Упор в новых уставах предполагалось сделать на религиозно-нравственное воспитание юношества.

Намечалось преобразовать духовные училища в шестиклассные духовные прогимназии. Воспитанники таких прогимназий должны были получать общее образование, позволяющее в любой момент перейти в соответствующий класс светского учебного заведения. Семинарии предполагалось преобразовать в четырехклассные богословские училища для подготовки священников, предназначенные в равной мере для лиц любого сословия, окончивших духовную прогимназию либо соответствующую светскую школу. Выпускникам семинарий предоставлялась возможность продолжить при желании обучение в академии. Таким образом, должна была разрешиться одна из основных проблем духовных учебных заведений России: его сословность, жестко предопределявшая жизненный путь юношей из священнических семей и практически лишавшая их права выбора, что в период политических волнений, охвативших страну на рубеже XIX–XX веков, уже стало совершенно неприемлемо.

Проект нового Устава академий был подготовлен первым и 2 апреля 1910 года утвержден императором, хотя на протяжении 1911 года в него еще дважды вносились поправки.

В Уставе 1910–1911 годов было сформулировано новое определение духовной академии как типа учебного заведения: «Православные духовные академии суть закрытые высшие церковные училища, христианским воспитанием и высшей православно-богословской наукой приготавливающие христиански просвещенных деятелей для служения святой православной Церкви, прежде всего в области духовно-пасторской, а затем и на других поприщах духовной деятельности, предпочтительно в священном сане» [3;484]. Во втором параграфе очерчивался круг стоящих перед академиями воспитательных целей: «воспитание учащихся в любви к святой православной Церкви и ее установлениям и преданности престолу и отечеству» [3;484].

В новом Уставе большое внимание уделялось нравственному и религиозному воспитанию и дисциплине. Студентам и преподавателям вменялось в обязанность регулярно посещать богослужения, которые следовало проводить без всяких сокращений в строгом соответствии с церковным уставом. Каждая литургия должна была сопровождаться проповедью. Большое значение придавалось строгому соблюдению постов и говений перед причащением. Очень значимым следует признать тот факт, что все указанные требования относились не только к учащимся, но и к преподавателям.

Новые уставы училищ и семинарий в форме законопроекта были представлены обер-прокурором В.К.Саблером в Государственную думу, но очень скоро отозваны. Вследствие этого, предлагаемые новшества так и не вошли в реальную жизнь духовных учебных заведений. Семинарии и училища существовали со старыми уставами вплоть до 1918 года.

Анализируя сказанное, можно утверждать, что на протяжении нескольких столетий Русская церковь и, следовательно, духовная школа были поставлены в сильную зависимость от светской власти и государственной политики. Вследствие

этого, особенности политического курса страны, идеи и веяния, охватывающие светское общество, особенно правительственные круги, оказывали существенное влияния на состояние духовной школы. Одновременно, исторически присущий ей закрытый характер и строгие требования сословности тормозили развитие системы духовного образования, создавая существенные отличия от школы светской. Порой эти отличия придавали духовному образованию черты архаичности, что ко второй половине XIX – началу XX века уже не могло приниматься ее воспитанниками как должное.

Произошедшие в дальнейшем в России политические события привели к разрушению извне всей Русской церкви и системы духовного образования. На протяжении нескольких десятилетий русского духовного образования как явления практически не существовало. И лишь последнее десятилетие XX в. ознаменовалось попытками возвратиться к утраченным духовным устоям и собственному историческому наследию.

По нашему мнению, глубокое изучение характера воспитательной работы в духовных учебных заведениях способствует обоснованию многих современных тенденций духовно-нравственного и патриотического воспитания детей и юношества, формирования их мировоззрения и ценностных ориентаций. И сегодня, когда вопросы преемственности, в частности исторической, в воспитании особенно актуальны, когда в обществе остро стоит вопрос нравственного воспитания и предупреждения отклоняющегося поведения юношества, преемственное использование методов воспитания, разработанных в духовных учебных заведениях России, имеет неопределимое значение.

Reference:

1. *Alekseeva S.I. Svyateyshiy Sinod v sisteme vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy poreformennoy Rossii 1856–1904 gg. SPb. : Nauka, 2003. 276 s.*
2. *Zakonodatel'stvo Petra I / [otv. red. A.A. Preobrazhenskiy, T. E. Novitskaya]. M. : Yurid. lit., 1997. 878, [2] s.*
3. *Smolich, I.K. Istoriya Russkoy Tserkvi. V 9 kn. Kn. 8. Ch. 1. (1700 – 1917). M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997. 798, [1] s.*
4. *Smolich, I.K. Istoriya Russkoy Tserkvi. V 9 kn. Kn. 8. Ch. 2. (1700 – 1917). M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997. 798, [1] s.*